

ЗАЯВЛЕНИЕ МАЙКЛА ПРОКСА ПРЕССЕ

13 марта 1979 года

Почему Джонстаун закончил таким образом? Я думаю, что значительная часть ответа может быть найдена на записи последнего часа жизни в Джонстауне. К сожалению, эта запись никогда публично не проигрывалась и держится под замком в офисе генерального прокурора или в ФБР. Но это и не удивительно в свете того содержания записи, о котором мне рассказал сотрудник американского посольства. В декабре прошлого года в особняке Мэтью Ридж, расположенном в 40 милях от Джонстауна, молодой человек Чарльз Инглиш, связанный с американским посольством (ему 27 лет и он уже год находился на дипломатической службе), рассказал о содержании некоторых частей этой записи мне, Тиму Картеру и двух корреспондентам, имена которых я уже не помню. Вероятно, самое важное, как он сказал, заключается в том, что эта запись никогда не будет проиграна на публике, так как это создаст серьезные проблемы для США. Он сказал, что она показывает, что людей Джонстауна не заставляли оканчивать жизнь самоубийством, но их смерть стала результатом коллективного решения, основанного на представлении об обреченности общины и бесполезности продолжения начатого дела. Инглиш сказал, что когда он и некоторые другие слушали эту запись в Джорджтауне, в комнату вошел посол США Джон Бурк и также слушал ее вместе с ними. Когда пленка закончилась, Бурк решительно сказал всем присутствовавшим в комнате, что они не должны проронить ни слова о том, что они слышали. Затем он забрал эту запись себе.

Другой чиновник, возглавлявший группу расследования происшествия в Джонстауне со стороны Гайаны, подтвердил то, что, по словам Инглиша, было в этой записи. И он сказал даже больше того, что рассказал Инглиш. Скин Робертс (шеф криминальной полиции Гайаны) сказал мне в частной беседе за день до того, как я покинул Гайану, что эта запись показала солидарность людей Джонстауна. Он сказал, что был глубоко тронут услышанным. Он сказал, что если бы он был в Джонстауне в этот момент, то мог бы тоже добровольно умереть вместе со всеми, если бы был членом этой общины. Более того, он сказал мне, что считает, что существовал какой-то план, разработанный внешними, чтобы уничтожить Джонстаун.

Эти дикие заявления делал не какой-нибудь сумасшедший, но второй по рангу полицейский Гайаны, обученный в академиях США, пользующийся уважением и серьезной репутацией человека не коррумпированного. Но весьма сомнительно, но он будет готов признать публично те вещи, о которых говорил мне в частном порядке. Он бы сделал это, если бы данный вопрос не был так политически деликатен. Гайана полагает, что не может позволить себе как-то оскорбить или смутить США, так как у нее есть серьезная невыплаченная задолженность перед Международ-

ным валютным фондом и она ищет дополнительной помощи. Инглиш, конечно, также рисковал бы своим положением, если бы признал, что говорил нам о записи и после Бурка.

Но если там нечего скрывать, тогда тот, у кого находится запись, должен был бы желать сделать ее публичной. Мне кажется, что запись последнего часа жизни более чем 900 человек является сверхактуальной и принципиально важной для общественности. У меня нет сомнений в том, что запись была сделана умышленно. Она была найдена в магнитофоне в павильоне, где обыкновенно записывались собрания и где сам процесс записи находился у всех на виду. Джонс просил записывать на аудио все собрания, и у меня нет сомнений, что для последнего собрания не делалось никаких исключений, так как я думаю, что он хотел оставить какое-то свидетельство о том, почему люди умерли. В статье из журнала «Роллинг Стоунс» очень четко было подмечено: «Известные в истории массовые самоубийства в Масаде и в Сайпане происходили, когда люди терпели поражение и были окружены вражескими войсками. Джонс и люди Джонстауна не были исключением: многие месяцы они подвергались нападкам, преследованиям, были окружены и побеждены силами оппозиции. Когда последняя атака была неотвратима и неизбежна, они выбрали смерть».

Я думаю, что запись подтвердила бы это, и я убежден, что ее содержание умышленно искажается для прессы. Почему она недоступна? Потому что ее содержание смогло бы помочь вскрыть истину о Джонстауне, вот почему. Пресса должна потребовать сделать доступной эту запись для публики. Я даже не говорю про ее расшифровку, так как сотрудник посольства (Инглиш) говорил, что в письменном виде неточно передается то, что там происходило на самом деле — слишком много там на-слаивающихся друг на друга голосов. Для должной оценки и понимания все 50 минут оригинальной записи должны быть проиграны для прессы в неоткорректированном и нецензурированном варианте. (Правительство Гайаны передало копию записи американским представителям, но это может быть не та запись, которую слышал Скип Робертс).

Потребуется слишком сильное давление для того, чтобы эта запись была проиграна, так как я думаю, что она бы слишком четко показала бы то, что это государство не хочет признавать и не может признать — Джонстаун является символом масштабного институционального провала этой станы в области удовлетворения нужд ее собственных граждан. Не является случайным совпадением тот факт, что большинство членов Народного Храма были черными, особенно если вы примите во внимание, что большинство жителей трущоб и гетто практически каждого большого города Америки — черные. Им не нравится жить в нищете и бедствовать, и если бы они могли бы выбраться из этого состояния, они бы это сделали, но им не дается ни малейшей возможности сделать это. Во почему так много черных присоединялось к Народному Храму — он давал им возможность избежать бедственного положения жизни в гет-

то. Джим Джонс занял лакуну, созданную неспособностью этой системы удовлетворить потребности ее черного населения. Затем он удовлетворил эти нужды, которыми все пренебрегали, и отдал при этом должное социализму. Структуры американской разведки почувствовали, судя по всему, необходимость остановить его, особенно в свете своей истории и репутации преследования прогрессивных политических и гражданско-правовых организаций.

Помимо удовлетворения своих материальных нужд, люди нашли чувство собственного достоинства и гордости в Храме, то в чем отказывал им ранее расизм. Но попытки отказать членам Храма в их новообретенной свободе — а для нас это была свобода — сохранялись даже после переезда в другую страну. Вот почему так много людей в итоге выбрало смерть. Это был моральный акт мужества и верности своим верованиям. Они говорили: «Мы больше не будем терпеть. Мы скорее умрем от нашей собственной руки, чем будем ждать, когда нас разрушит или сломает длинная рука угнетателя».

Я хочу сказать, что причина того, что такое большое количество людей умерло и взяло с собой жизни своих детей потому, что они верили в то, что их община, которую они построили своими руками, находилась в осаде со стороны правительства США, с чем я полностью согласен. Государственный департамент был в курсе переговоров Храма о переезде в Советский Союз с целью избежать угрозы своей безопасности в Гайане. Несомненно, что Государственный департамент и ЦРУ хотели предотвратить ошеломляющую победу советской пропаганды, основанную на миграции порядка 1000 американцев в Советский Союз в поисках прав человека, в которых им было отказано в США.

Но насколько далеко был готов зайти Госдепартамент для того, чтобы дискредитировать Джонстаун? Готовы ли они были пожертвовать конгрессменом? Очевидно. Иначе почему бы они позволили конгрессмену Райану поехать в Джонстаун, если им было сказано в виде письменных показаний под присягой, что там (было) оружие и они знали, что визит будет рассматриваться как акт провокации. Почему они допустили это? Потому что Госдепартамент нуждался в инциденте. Хорошо, они получили его. При этом я не уверен, что они не получили даже больше того, что хотели, так как в показаниях под присягой также говорилось о репетициях суицида и содержалось предупреждение о том, что их нужно воспринимать всерьез. Более того, в письме Народного Храма в Госдепартамент сказано, что члены Храма скорее умрут, чем будут терпеть нападки от континента к континенту. Госдепартамент преднамеренно учинил провокацию, послав Райана; это был преднамеренный акт провокации.

Я верю в изначальную правду жизни и работы в Джонстауне, и я не могу и не хочу отделить себя от людей, которые умерли. Это были красивые люди, заботившиеся друг о друге и идентифицировавшие себя со всеми людьми, которые страдают от гнета и преследований по всему миру. В Джонстауне поддерживался настолько высокий уровень этиче-

ского поведения и человеческой преданности, что понять их можно было только увидев и пережив их опыт как свой. Там уважались и защищались права человека; совместное использование благ и забота о ближнем были обязательным требованием. Эти вещи являлись своеобразными нормами жизни общины. Люди не были фанатиками или культистами с промытыми мозгами — Храм не был культом. Он был политической организацией, которая основала свою собственную социалистическую общину. Было бы справедливо сказать, что они были фанатичны в одном отношении: после переезда на 6 000 миль от расизма и агрессии они не были готовы к тому, чтобы гоняли по всему миру. Это может звучать банально, но они говорили практически то же самое, что и Патрик Генри: «Дайте нам свободу или дайте нам умереть». Но Госдепартамент и ЦРУ не могли позволить столь большой группе социалистов из США найти свободу в другой стране. Так, они преследовали нас, подсылая своих лакеев в Гайану, с помощью Тима Стоэна, и сознательно играли на паранойе, царившей в Джонстауне, вплоть до того, когда они наконец-то получили то, что хотели.

Правда о Джонстауне скрывается из-за того, что правительственные структуры были по уши вовлечены в его разрушение. Я убежден в этом потому, что среди всего прочего я сам был информантом, когда впервые присоединился к Народному Храму. Я таковым не остался, однако, благодаря этому я понял, что Храм был, вероятно, единственной надеждой для многих людей вырваться с улицы, из пут наркотиков, криминала, психиатрических клиник и тюрем. Я научился разделять взгляды этих людей вплоть до того, что они стали моими братьями и сестрами, и я сам понял, что значит быть черным, и старым, и бедным в этом обществе — каждодневный ад жизни в страхе.

Люди Джонстауна умерли — как сказано в одной из посмертных записок — так как им не дали жить в мире. Они умерли, так как не хотели быть оставлены без иного выбора, кроме как вернуться к жизни зараженными крысами гетто Америки. Они умерли за всех, кто переживает притеснения. Я отказываюсь дать моим черным братьям и сестрам и другим людям Джонстауна умереть напрасно.

Источник: <http://jonestown.sdsu.edu/AboutJonestown/PrimarySources/07-11-ProkesStatement.pdf>

Переводчик: Мартинович В.А.